

Бажов П.П.

Две ящери

Нашу-то Полевую, сказывают, казна (на государственные средства. – Ред.) ставила. Никаких еще заводов тогда в здешних местах не было. С боем шли. Ну, казна, известно. Солдат послали. Деревню-то Горный Щит нарочно построили, чтоб дорога без опаски была. На Гумешках, видишь, в ту пору видимое богатство поверху лежало, – к нему и подбирались. Добрались, конечно. Народу нагнали, завод установили, немцев каких-то навезли, а не пошло дело. Не пошло и не пошло. То ли немцы показать не хотели, то ли сами не знали – не могу объяснить, только Гумешки-то у них безо внимания оказались. С другого рудника брали, а он вовсе работы не стоил. Вовсе зряшный рудничшко, тощенький. На таком доброго завода не поставишь. Вот тогда наша Полевая и попала Турчанинову.

До того он – этот Турчанинов – солью промышлял да торговал на строгановских землях и медным делом тоже маленько занимался. Завод у него был. Так себе заводичко. Мало чем от мужичьих самоделок отошел. В кучах руду-то обжигали, потом варили, переваривали, да еще хозяину барыш был. Турчанинову, видно, этот барыш поглянулся.

Как услышал, что у казны медный завод плохо идет, так и подъехал: нельзя ли такой завод получить? Мы, дескать, к медному делу привышны – у нас пойдет.

Демидовы и другие заводчики, кои побогаче да поименитее, ни один не повязался. “У немцев, – думают, – толку не вышло – на что такой завод? Убыток один”. Так Турчанинову наш завод и отдали да еще Сысерть на придачу. Эко-то богатство и вовсе даром!

Приехал Турчанинов в Полевую и мастеров своих привез. Насулил им, конечно, того-другого. Купец, умел с народом обходиться! Кого хочешь обвести мог.

– Постарайтесь, – говорит, – старички, а уж я вам по гроб жизни...

Ну, ласковый язычок, – напел! Смолоду на этом деле – понаторел! Про немцев тоже ввернул словечко:

– Неуж против их не выдюжите? Старикам большой охоты переселяться со своих мест не было, а это слово насчет немцев-то задело. Неохота себя ниже немцев показать. Те еще сами нос задрали, свысока на наших мастеров глядят, будто и за людей их не считают. Старикам и вовсе обидно стало. Оглядели они завод. Видят, хорошо устроено против ихнего-то. Ну, казна строила. Потом на

Гумешки походили, руду тамошнюю поглядели да и говорят прямо:

– Дураки тут сидели. Из такой-то руды да в этаких печах половина на половину выгнать можно. Только, конечно, соли чтобы безотказно было, как по нашим местам.

Они, слышь-ко, хитрость одну знали – руду с солью варить. На это и надеялись. Турчанинов уверился на своих мастеров и всем немцам отказал:

– Больше ваших нам не требуется.

Немцам что делать, коли хозяин отказал! Стали собираться, кто домой, кто на другие заводы. Только им все-таки удивительно, как одни мужики управляться с таким делом станут. Немцы и подговорили своих человек трех из пришлых, кои у немцев при заводе работали.

– Поглядите, – говорят, – нет ли у этих мужиков хитрости какой. На что они надеются, – за такое дело берутся? Коли узнаете, весточку нам подайте, а уж мы вам отплатим.

Один из этих, кого немцы подбивали, добрый парень оказался. Он все нашим мастерам и рассказал. Ну, мастера тогда и говорят Турчанинову:

– Лучше бы ты всех рабочих на медный завод из наших краев набрал, а то видишь, что выходит. Поставишь незнамого человека, а он, может, от немцев подосланный. Тебе же выгода, чтобы нашу хитрость с медью другие не знали.

Турчанинов, конечно, согласился, да у него еще и своя хитрость была. Про нее мастерам не сказал, а сам думает: “К руке мне это”.

Тогда, видишь, Демидовы и другие заводчики здешние всяких беглых принимали, башкир тоже, староверов там и протча. Эти, дескать, подешевле и ответу за них нет, – что хошь с ними делай. Ну, а Турчанинов по-другому, видно, считал:

– Наберешь таких-то, с бору да с сосенки, потом не управишься, себе не рад станешь. Беглые народ бывалый, – один другого получать станут. У башкир опять язык свой и вера другая, – не углядишь за ними. Переманю-ка лучше из дальних мест зазнамо да перевезу их с семьями. Куда тогда он убежит от семьи-то? Спокойно будет, а как зажму в руке, так еще поглядим, у кого выгоды больше закаплет. А беглых да башкир либо еще каких вовсе и к заводам близко подпускать не надо.

Так оно, слышь-ко, и вышло потом. По нашим заводам, известно, все одного

закону. У тагильских вон мне случалось бывать, так у их этих вер-то не пересчитать, а у нас слыхом не слыхали, чтоб кто по какой другой вере ходил. Ну, из других народов тоже нет, окромя начальства. Одним словом, подогнанно.

Тогда те речи плавильных мастеров Турчанинову шибко к сличью пришлись. Он и давай наговаривать:

– Спасибо, старички, что надоумили. Век того не забуду. Все как есть по вашему наученью устрою. Завод в наших местах прикрою и весь народ сюда перевезу. А вы еще поглядите каких людей понадежнее, я их выкуплю, либо на срока заподряжу. Потрудитесь уж, сделайте такую милость, а я вам...

И опять, значит, насулил свыше головы. Не жалко ему! Вином их поит, угощенье поставил, сам за всяко просто пирует с ними, песни поет, пляшет. Ну, обошел стариков.

Те приехали домой и давай расхваливать:

— Места привольные, угодыя всякие, медь богати-мая, заработки, по всему видать, добрые будут. Хозяин простяга. С нами пил-гулял, не гнушался. С таким жить можно.

А турчаниновски служки тут как тут. На те слова людей ловят. Так и набрали народу не то что для медного заводу, а на все работы хватит. Изоброчили больше, а кого и вовсе откупили. Крепость, вишь, была. Продавали людей-то, как вот скот какой.

Мешкать не стали, в то же лето перевезли всех с семьями на новые места – в Полевую нашу. Назад дорогу, конечно, начисто отломили. Не говоря о купленных, оброчным и то обратно податься нельзя. Насчитали им за перевозку столько, что до смерти не выплатишь. А бежать от семьи кто согласен? Своя кровь, жалко. Так и посадил этих людей Турчанинов. Всё едино, как цепью приковал.

Из старых рабочих на медном заводе только того парнюгу оставили, который про немецкую хитрость мастерам сказал. Турчанинов и его хотел в гору загнать, да один мастер усовестил:

– Что ты это! Парень полезное нам сделал. Надо его к делу приспособить – смысленый, видать. Потом и спрашивает у парня:

– Ты что при немцах делал?

– Стенбухарем (рабочим у толчеи, где дробилась пестами руда. – Ред.), –

отвечает, – был.

– Это по-нашему что же будет?

– По-нашему, около пестов ходил, – руду толчи да сеять.

– Это, – говорит мастер, – дело малое – в сетенку бухать. А засыпку немецкую знаешь?

– Нет, – отвечает, – не допускали наших. Свой у них был. Наши только подтаскивали, кому сколько велит. По этой подноске я и примечал маленько. Понять было охота. За карнахарем тоже примечать случалось. Это который у них медь чистил, а к плавке вовсе допуску не было.

Мастер послушал-послушал и сказал твердое слово:

– Возьму тебя подручным. Учить буду по совести, а ты обратное мне говори, что полезное у немцев видел.

Так этого парня – Андрюхой его звали – при печах и оставили. Он живо к делу приобыл и скоро сам не хуже того мастера стал, который его учил-то.

Вот прошло годика два. Вовсе не так в Полевой стало, как при немцах. Меди во много раз больше пошло. Загремели наши Гумешки. По всей земле про них слава прошла. Народу, конечно, большое увеличение сделалось, и всё из тех краев, где у Турчанинова раньше заводишко был. У печей полно, а в горе и того больше. У Турчанинова на это большая охота проявилась – деньги-то огребать. Ему сколь хошь подай – находил место. Навидячу богател. На что Строгановы, и тех завидки взяли. Жалобу подали, что Гумешки на их землях приходится и Турчанинову зря попали. Надо, дескать, их отобрать да им – Строгановым – отдать. Только Турчанинов в те годы вовсе в силу вошел. С князьями да сенаторами попросту. Отбился от Строгановых. При деньгах-то долго ли!

Ну, народу, конечно, тяжело приходилось, а мастерам плавильным еще и обидно, что обманул их.

Сперва, как дело направлялось, мяконько похаживал перед этими мастерами:

– Потерпите, старички! Не вдруг Москва строилась. Вот обладим завод по-хорошему, тогда вам большое облегчение выйдет.

А какое облегчение? Чем дальше, тем хуже да хуже. На руднике вовсе людей насмерть забивают, и у печей начальство лютовать стало. Самолучших мастеров по зубам бьют да еще приговаривают:

– На то не надейтесь, что хитрость с медью показали. Теперь лучше плавень знаем. Скажем вот барину, так он покажет!

Турчанинова тогда уже все барином звали. Барин да барин, имени другого не стало. На завод он вовсе и дорожку забыл. Некогда, вишь, ему, – денег много, считать надо.

Вот мастера, которые подбивали народ переселяться в здешние места, и говорят:

– Надо к самому сходить. Он, конечно, барином стал, а все-таки обходительный мужик, понимает дело. Не забыл, поди, как с нами пировал? Обскажем ему начистоту.

Вот и пошли всем народом, а их и не допустили.

– Барин, – говорят, – кофею напился и спать лег. Ступайте-ко на свои места к печам да работайте хорошенько.

Народ зашумел:

– Какой такой сон не к месту пришел! Время о полдни, а он спать! Разбуди! Пущай к народу выходит!

На те слова барин и вылетел. Выспался, видно. С ним оборудованных сколько хошь. А подручный тот – Андрюха-то человек молодой, горячий, не испугался, громче всех кричит, корит барина всяко. В конце концов и говорит:

– Ты про соль-то помнишь? Что бы ты без нее был?

– Как, – отвечает барин, – не помнить! Схватить этого, выпороть да посолить хорошенько! Память крепче будет.

Ну, и других тоже хватать стали, на кого барин указывал. Только он, сказывают, страсть хитрый был, – не так распорядился, как казенно начальство. Не зря людей хватал, а со сноровкой: чтоб изъян своему карману не сделать. На завод хоть не ходил, а через наушников до тонкости про всякого знал, кто чем дышит. Тех мастеров, кои побойчее да поразговорчивее, всех отхлестали, а которые потишае, – тех не задел. Погрозил только им:

– Глядите у меня! То же вам будет, коли стараться не станете!

Ну, те испугались, за двоих отвечают, за всяким местом глядят – порухи бы не вышло. Только все-таки людей нехватка—как урону не быть? Стали один по одному старых мастеров принимать, а этого, который Андрюху учил, вовсе в живых не оказалось. Захлестали старика. Вот Андрюху и взяли на его место. Он сперва ничего – хорошим мастером себя показал. Всех лучше у него дело пошло. Турчаниновски прислужники думают—так и есть, подшучивают еще над парнем, Соленым его прозвали. Он без обиды к этому. Когда сам пошутит:

– Солено-то мяско крепче.

Ну вот, так уверились в него, а он тогда исхитрился, да и посадил козлов (застывший при плавке и приставший к чему-нибудь металл. – Ред) сразу в две печи. Да так, слышь-ко, ловко заморозил, что крепче нельзя. Со сноровкой сделал.

Его, конечно, схватили, да в гору на цепь. Руднишные про Андрюху наслышаны были, всяко старались его вызволить, а не вышло. Стража понаставлена, людей на строгом счету держат... Ну, никак...

Человеку долго ли на цепи здоровье потерять? Хоть кого крепче будь, не выдюжит. Кормежка, вишь, худая, а воды когда принесут, когда и вовсе нет – пей руднишную! А руднишная для сердца шибко вредная.

Помаялся так-то Андрюха с полгода ли, с год – вовсе из сил выбился. Тень тенью стал, – не с кого работу спрашивать.

Руднишный надзиратель и тот говорит:

– погоди, скоро тебе облегченье выйдет. Тут, в случае, и закопаем, без хлопот.

Хоронить, значит, ладится, да и сам Андрюха видит – плохо дело. А молодой, – умирать неохота.

“Эх, – думает, – зря люди про Хозяйку горы сказывают. Будто помогает она. Коли бы такая была, неуж мне не пособила бы? Видела, поди, как человека в горе замордовали. Какая она Хозяйка! Пустое люди плетут, себя тешат”.

Подумал так да и свалился, где стоял. Так в руднишную мокреть и мякнулся, только брызнуло. Холодная она – руднишная-то вода, а ему все равно – не чувствует. Конец пришел.

Сколько он пролежал тут – и сам не знает, только тепло ему стало. Лежит будто

на травке, ветерком его обдувает, а солнышко так и припекает, так и припекает. Как вот в покосную пору.

Лежит Андрюха, и в голове думка:

“Это мне перед смертью солнышко приснилось”.

Только ему все жарче да жарче. Он и открыл глаза. Себе не поверил сперва. Не в забое он, а на какой-то лесной горушечке. Сосны высоченные, на горушке трава негустая и камешки мелконькие – плитнячок черный. Справа у самой руки камень большой, как стена ровный, выше сосен.

Андрюха давай-ко себя руками ощупывать, – не спит ли. Камень заденет, травку сорвет, ноги принялся скоблить – изъедены ведь грязью-то... Выходит, – не спит, и грязь самая руднишная, а цепей на ногах нет.

“Видно, – думает, – мертвяком меня выволокли, расковали да и положили тут, а я отлежался. Как теперь быть? В бега кинуться али подождать, что будет? Кто хоть меня в это место притащил?”

Огляделся и видит – у камня туесочек стоит, а на нем хлеб, ломтями нарезанный. Ну, Андрюха и повеселел: “Свои, значит, вытащили и за мертвого не считали. Вишь хлеба поставили, да еще с питьем! По потемкам, поди, навестить придут. Тогда все и узнаю”.

Съел Андрюха хлеб до крошки, из туеска до капельки все выпил и подивился, – не разобрал, что за питье. Не хмелит будто, а так силы и прибавляет. После еды-то вовсе ему хорошо стало. Век бы с этого места не ушел. Только то и думает:

“Как дальше? Хорошо, если свои навестят, а вдруг вперед начальство набежит? Надо оглядеться хоть, в котором это месте. Тоже вот в баню попасть бы? Одежонку какую добыть!”

Однем словом, пришла забота. Известно, живой о живом и думает. Забрался он на камень, видит – тут они, Гумешки-то, и завод близко, даже людей видно, – как мухи ползают. Андрюхе даже боязно стало – вдруг оттуда его тоже увидят. Слез с камня, сел на старое место, раздумывает, а перед ним ящерки бегают. Много их. Всякого цвету. А две на отличку. Обе зеленые. Одна побольше, другая поменьше.

Вот бегают ящерки. Так и мелькают по траве-то, как ровно играют. Тоже, видно, весело им на солнышке. Загляделся на них Андрюха и не заметил, как облачко набежало. Запокапывало, и ящерки враз попрятались. Только те две зеленые-то не угомонились, всё друг за дружкой бегают и вовсе близко от Андрюхи. Как

посильнее дождичек пошел, и они под камешки спрятались. Сунули головенки, – и нет их. Андрюхе это забавно показалось. Сам-то он от дождя прятаться не стал. Теплый да, видать, и не надолго. Андрюха взял и разделся.

“Хоть, – думает, – которую грязь смоет”, – и ремки свои под этот дождик разостлал.

Прошел дождик, опять ящерики появились. Туда-сюда шныряют, и сухоньки все. Ну, а ему холодно стало. К вечеру пошло, – у солнышка сила не та. Андрюха тут и подумал:

“Вот бы человеку так же. Сунулся под камень – тут тебе и дом”.

Сам рукой и уперся в большой камень, с которого на завод и Гумешки глядел. Не то чтобы в силу уперся, а так легохонько толкнул в самый низ. Только вдруг камень качнулся, как повалился на него. Андрюха отскочил, а камень опять на место стал.

“Что, – думает, – за диво? Вон какой камень, а еле держится. Чуть меня не задавил.

Подошел все ж таки поближе, оглядел камень со всех сторон. Никаких щелей нет, глубоко в землю ушел. Уперся руками в одном месте, в другом. Ну, скала и скала. Разве она пошевелится.

“Видно, у меня в голове круженье от нездоровья. Почудилось мне”, – подумал Андрюха и сел опять на старое место.

Те две ящерики тут же бегают. Одна ткнула головенкой в том же месте, какое Андрюха сперва задевал, камень и качнулся. По всей стороне щель прошла. Ящерица туда юркнула, и щели не стало. Другая ящерица пробежала до конца камня да тут и притаилась, сторожит будто, а сама на Андрюху поглядывает:

– Тут, дескать, выйдет. Некуда больше.

Подождал маленько Андрюха, – опять по низу камня чутошная щелка прошла, потом раздаваться стала. В другом-то конце из-под камня ящерица головенку высунула, оглядывается, где та – другая-то, а та прижалась, не шевелится. Выскочила ящерица, другая и скок ей на хребетик – поймала, дескать! – и глазенками блестит, радуется. Потом обе убежали. Только их и видел. Как показали Андрюхе, в котором месте заходить, в котором выходить.

Оглядел еще раз камень. Целехонек он, даже званья нет, чтобы где тут трещинка была.

“Ну-ко, – думает,— попытаю еще раз”.

Уперся опять в том же месте в камень, он и повалился на Андрюху. Только Андрюха на это безо внимания – вниз глядит. Там лестница открылась, и хорошо, слышь-ко, улаженная, как вот в новом барском доме. Ступил Андрюха на первую ступеньку, а обе ящерки шмыг вперед, как дорогу показывают. Спустился еще ступеньки на две, а сам все за камень держится, думает:

“Отпущусь – закроет меня. Как тогда в потемках-то?”

Стоит, и обе ящерки остановились, на него смотрят, будто ждут. Тут Андрюха и смекнул:

“Видно, Хозяйка горы смелость мою пытается. Это, говорят, у ней первое дело”.

Ну, тут он и решился. Смело пошел, и как голова ниже щели пришлась, отпустился рукой от камня. Закрылся камень, а внизу как солнышко взошло – все до капельки видно стало.

Глядит Андрюха, а перед ним двери створные каменные, все узорами изукрашенные, а вправо-то однополотная дверочка. Ящерки к ней подошли – в это, дескать, место. Андрюха отворил дверку, а там – баня. Честь честью устроена, только все каменное. Полки там, колода, ковшик и протча. Один веничек березовый. И жарко страсть – уши береги. Андрюха обрадовался. Хотел первым делом ремки свои выжарить над каменкой. Только снял их – они куда-то и пропали, как не было. Оглянулся, а по лавкам рубахи новые разложены и одежды на спицах сколь хошь навешано. Всякая одежда: барская, купецкая, рабочая. Тут Андрюха и думать не стал, залез на полки и отвел душеньку – весь веник измочалил. Выпарился лучше нельзя, сел – отдышался. Одежда потом по-рабочему, как ему привычно. Вышел из баньки, а ящерки его у большой двери ждут.

Отворил он – что такое? Палата перед ним, каких он и во сне не видал. Стены-то все каменным узором изукрашены, а посередине стол. Всякой еды и питья на нем наставлено. Ну, Андрюха уже давно проголодался. Раздумывать не стал, за стол сел. Еда обыкновенная, питье не разберешь. На то походит, какое он из туесочка-то пил. Сильное питье, а не хмелит.

Наелся-напился Андрюха, как на самом большом празднике либо на свадьбе, ящеркам поклонился:

– Ну угощенье, хозяйюшки!

А они сидят обе на скамеечке высоконькой, головенками помахивают:

– На здоровье, гостенек! На здоровье!

Потом одна ящерка – поменьше-то – соскочила со скамеечки и побежала. Андрюха за ней пошел. Подбежала она ко кровати, остановилась – ложись, дескать, спать теперь! Кровать до того убранная, что и задеть-то ее боязно. Ну, все-таки Андрюха насмелился. Лег на кровати и сразу уснул. Тут и свет потух.

А на Гумешках тем временем руднишный надзиратель переполошился. Заглянул утром в забой, – жив ли прикованный, – а там одна цепь. Забеспокоился надзиратель, запобегивал:

– Куда девался? Как теперь быть?

Пометался-пометался, никаких знаков нет, и на кого подумать – не знает. Сказать начальству боится – самому отвечать придется. Скажут – плохо глядел. Вот этот руднишный надзиратель и придумал обрушить кровлю над тем местом. Не шибко это просто, а исхитрился все-таки, – кое с боков подгреб, кое сверху наковырял. Тогда и по начальству сказал. Начальство, видно, не крепко в деле понимало, поверило.

– И то, – говорит, – обвал. Вишь, как его задавило, чуть цепь видно.

Надзиратель, конечно, поет:

– Отрывать тут не к чему. Кровля вон какая ненадежная, руды настоящей давно нет, а мертвому не все ли равно, где лежать.

Руднишные видели, конечно, – подстроено тут, а молчали.

“Отмаялся, – думают, – человек. Чем ему поможешь?”

Так начальство и барину сказало:

– Задавило, дескать, того. Соленого-то, который нарочно в печи козлов посадил.

Барин и тут свою выгоду не забыл:

– Это, – говорит, – его сам бог наказал. Надо про эту штуку попам сказать.

Пушай народ наставляют, как барину супротивничать.

Попы и зашумели. Весь народ про Андрюху узнал, что его кровлей задавило. Пожалели, конечно:

– Хороший парень был. Немного таких осталось. А он что? После бани-то спит да спит. Тепло ему, мягко. День проспал, два проспал, на другой бок перевернулся да пуще того. Выспался все-таки и вовсе здоровый стал, будто не хворал и в руднике не бывал. Глядит – стол опять полнехонек, и обе ящерки на скамейке сидят, поглядывают.

Наелся, напился Андрюха, ящеркам поклонился да и говорит:

– Теперь не худо бы барину Турчанинову за соль спасибо сказать. Подарочек сделать, чтоб до слез чихнул.

Одна ящерка – поменьше-то – сейчас соскочила со скамейки и побежала. Андрюха за ней. Привела его ящерка к другой двери. Отворил, а там тоже лестница, в потолок идет. На потолке скобочка медная, как ручка. Андрюха, понятно, догадался, к чему она. Поднялся по лестнице, повел эту скобочку, выход и открылся. Вышел Андрюха на горушечку, а время, глядит, к вечеру – солнышко на закате.

“Это, – думает, – мне и надо. Схожу по потемкам на рудник. Может, повидею кого, узнаю, как у них там и в заводе что”.

Пошел потихоньку. Сторожится, конечно, как бы его не увидели, кому не надо. Подобрался к руднику, за вересовым кустом притаился. Людей у руды много, а подходящего случаю не выходит. Либо грудками копошатся, либо не те люди. Темненько уж стало. Тут и отбился один, близко подошел. Парень простоватый, а так надежный. Вместе с Андрюхой у печей ходил, да тоже на Гумешки попал. Андрюха и говорит ему негромко.

– Михайло! Иди-ко поближе.

Тот сперва пошел на голос, потом остановился, спрашивает:

– Кому надо?

– Иди, говорю, ближе.

Михаило еще подался, а уж, видать, боится чего-то. Андрюха тогда и выглянул из-за куста, показаться хотел, чтоб он не сомневался. Михаило сойкнул да бежать. Как нарочно в ту пору еще бабеночку одну к тому месту занесло. Она

тоже Андрюху-то увидала. Визг подняла – уши затыкай.

– Ой, батюшки, покойник! Ой, покойник!

Михаиле тоже кричит:

– Андрюху Соленого видел! Как есть такой показался, как до рудника был! Вон за тем кустом вересковым!

В народе беспокойство пошло. Побежали которые с рудника, а начальство вперед всех. Другие говорят:

– Надо поглядеть, что за штука!

Пошли тулаем (толпой. – Ред.), а так Андрюхе неладно показалось.

“Покажись, – думает, – зря-то, а мало ли кто в народе случится”.

Он и отошел подальше в лес. Те побоялись глубоко-то заходить, потолклись около куста, расходиться стали.

Андрюха тут и удумал. Обошел Гумешки лесом да ночью прямо на медный завод. Увидели его там – перепугались. Побросали всё, да кто куда.

Надзиратель ночной с перепугу на крышу залез. На другой день уже его сняли – обеспамятел вовсе... Андрюха и походил у печей-то... Опять все наглухо заморозил да к барину.

Тот, конечно, прослышал о покойнике, попов велел нарядить, только их на ту пору найти не могли. Тогда барин накрепко заперся в доме и не велел никому отворять. Андрюха видит – не добудешь, ушел на свое место – в узорчату палату. Сам думает:

“Погоди! Еще я тебе соль припомню!”

На другой день в заводе суматоха. Шутка ли, во всех печах козлы. Барин слезами ревет. На Гумешках тоже толкошатся. Им велел отрыть задавленного и попам отдать, – пушай, дескать, хорошенько захоронят, по всем правилам, чтоб не встал больше.

Разобрали обвал, а там тела-то и нет. Одна цепь осталась и кольца ножные целехоньки, не подпилены даже. Тут рудничного надзирателя потянули. Он еще повертелся, на рабочих хотел свалить, потом уж рассказал, как было дело. Сказали барину – сейчас перемена вышла. Рвет и мечет:

– Поймать, коли живой!

Всех своих стражников-прислужников нарядил лес обыскивать.

Андрюха этого не знал и вечером опять на горушечку вышел. Сколько, видно, ни хорошо в подземной палате, а на горушечке лучше. Сидит у камня и раздумывает, как бы ему со своими друзьями повидаться. Ну, девушка тоже одна на уме была.

“Небось и она поверила, что умер. Поплакала, поди, сколь-нибудь!”

Как на грех, в ту пору женщины по лесу шли. С покосу ворочались али так, ягодницы припозднились... Ну, мало ли по лесу народу летом проходит. От той горушечки близенько шли. Сначала Андрюха слышал, как песни пели, потом и разговор разбирать стал.

Вот одна-то и говорит:

– Заподумывала, поди, Тасютка, как про Андрюху услышала. Живой ведь, сказывают, он.

Другая отвечает:

– Как не живой, коли все печи заморозил!

– Ну, а Тасютка-то что? Искать, поди, собралась?

– Дура она. Тасютка-то. Вчера сколь ей говорила, а она старухам своим верит. Боится, как бы Андрюха к ней под окошко не пришел, а сама ревет.

– Дура и есть. Не стоит такого парня. Вот бы у меня такой был – мертвого бы не побоялась.

Слышит это Андрюха, и потянуло его поглядеть, кто это Тасютку осудил. Сам думает: “Нельзя ли через них весточку послать?”

Пошел на голоса. Видит – знакомые девчонки, только никак объявиться нельзя. Много, видишь, народу-то идет, да еще ребятишки есть. Ну как объявишься?

Поглядел-поглядел, не показался. Пошел обратно.

Сел на старое место, пригорюнился. А пока он ходил, его, видно, какой-то барский пес и углядел да потихоньку другим весточку подал. Окружили горушечку. Радуются все. Самоглавный закричал:

– Бери его!

Андрюха видит – со всех сторон бегут... Нажал на камень да и туда. Стражники-прислужники подбежали, – никого нет. Куда девался? Давай на тот камень напирать. Пыхтят – стараются. Ну, разве его сдвинешь? Одумались маленько, страх опять на них напал:

– Всамделе, видно, покойник, коли через камень ушел.

Побежали к барину, обсказали ему. Того и запотряхивало с перепугу-то.

– В Сысерть, – говорит, – мне надо. Дело спешное там. Вы тут без меня ловите. В случае не поймаете – строго взыщу с вас.

Погрозил – и на лошадь да в Сысерть и угнал. Прислужники не знают, что им делать. Ну, на то вывели – надо горушку караулить. Андрюха там, под камнем-то, тоже заподумывал: как быть? Сидеть без Дела непривычно, а выходить не приходится.

“Ночью, – думает, – попытаю. Не удастся ли по потемкам выбраться, а там видно будет”.

Надумал эдак-то, хотел еды маленько на дорогу в узелок навязать, а ящерок нету. Ему как-то без них неловко стало, вроде крадучись возьмет.

“Ладно, – думает, – и без этого обойдусь. Живой буду – хлеба добуду”.

Поглядел на узорчату палату, полюбовался, как все устроено, и говорит:

– Спасибо этому дому – пойду к другому.

Тут Хозяйка и показалась ему, как быть должно.

Остолбенел парень – красота какая! А Хозяйка говорит:

– Наверх больше ходу нет. Другой дорогой пойдешь. Об еде не беспокойся. Будет тебе, как захочешь, – заслужил. Выведет тебя дорога, куда надо. Иди вон в те двери, только, чур, не оглядывайся. Не забудешь?

– Не забуду, – отвечает, – спасибо тебе за все доброе.

Поклонился ей и пошел к дверям, а там точь-в-точь такая же девица стоит, только еще ровно краше. Андрюха не вытерпел, оглянул, – где та то? А она пальцем грозит:

– Забыл обещанье свое?

– Забыл, – отвечает, – ума в голове не стало.

– Эх, ты, – говорит, – а еще Соленый! По всем статьям парень вышел, а как девок разбирать, так и неустойку показал. Что мне теперь с тобой делать-то?

– Твоя, – говорит, – воля.

— Ну ладно. На первый раз прощается, другой раз не оглянись. Худо тогда будет.

Пошел Андрюха, а та, другая-то, сама ему двери отворила. Там штольня пошла. Светло в ней, и конца не видно.

Оглянулся ли другой раз Андрей и куда его штольня вывела – про то мне старики не сказывали.

С той только поры в наших местах этого парня больше не видали, а на памяти держали.

Посолил он Турчанинову-то!

А те – прислужники-то турчаниновски – долго, слышь-ко, камень караулили. Днем и ночью кругом камня стояли. Нарочно народ ходил поглядеть на этих дураков. Потом, видно, им самим надоело. Давай тот камень порохом рвать. Руднишных нагнали. Ну, разломали, конечно, а барин к той поре отутовел, – отошел от страху да их же ругать.

– Пока, – кричит, – вы пустой камень караулили, мало ли в заводе и на Гумешках урону вышло. Вон у приказчика-то зад сожгли. Куда годится?